

А.И. СОЛЖЕНИЦЫН

В КРУГЕ ПЕРВОМ

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С60

Серия «Эксклюзив: Русская классика»

Серийное оформление *Е. Фerez*

Солженицын, Александр Исаевич.

С60 В круге первом : [роман] / Александр Исаевич Солженицын. — Москва : Издательство АСТ, 2019. — 832 с. — (Эксклюзив: Русская классика).

ISBN 978-5-17-097020-9

Роман «В круге первом», над которым автор работал с 1955 по 1958 год, запрещенный в СССР и впервые опубликованный на Западе, а впоследствии признанный классикой русской литературы XX века и положенный в основу замечательного одноименного телесериала Г. Панфилова, написан на автобиографическом материале.

Название романа — это аллегорическое сравнение шарашки с адом из «Божественной комедии» Данте.

Центральное место в повествовании занимает идейный спор героев романа. Все они прошли войну и ГУЛАГ. При этом один из них остался убежденным коммунистом. Другой же, Нержин, уверен в порочности самой основы коммунистической системы. В прошлом сам ярый ее сторонник, он пережил полный крах своих убеждений. Осознанный нравственный выбор Глеба Нержина, который предпочел сомнительному счастью шарашки парадоксальную свободу тюремного этапа, — лейтмотив романа.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-097020-9

© А.И. Солженицын, наследники, 2016
© ООО «Издательство АСТ», 2019

Судьба современных русских книг: если и выныривают, то ущипанные. Так недавно было с булгаковским «Мастером» — перья потом доплывали. Так и с этим моим романом: чтобы дать ему хоть слабую жизнь, сметь показывать и отнести в редакцию, я сам его ужал и исказил, верней — разобрал и составил заново, и в таком-то виде он стал известен.

И хотя теперь уже не нагонишь и не исправишь — а вот он подлинный. Впрочем, восстанавливая, я кое-что и усовершеншил: ведь тогда мне было сорок, а теперь пятьдесят.

написан — 1955—1958

искажён — 1964

восстановлен — 1968

Посвящаю друзьям по шарашке

1

Кружевные стрелки показывали пять минут пятого.

В замирающем декабрьском дне бронза часов на этажерке была совсем тёмной.

Стёкла высокого окна начинались от самого пола. Через них открывалось внизу на Кузнецком торопливое снование улицы и упорная передвижка дворников, сгребавших только что выпавший, но уже отяжелевший, коричнево-грязный снег из-под ног пешеходов.

Видя всё это и не видя этого всего, государственный советник второго ранга Иннокентий Володин, прислонясь к ребру оконного уступа, высвистывал что-то тонкое-длгое. Концами пальцев он перекидывал пёстрые глянцевые листы иностранного журнала. Но не замечал, что в нём.

Государственный советник второго ранга, что значило подполковник дипломатической службы, высокий, узкий, не в мундире, а в костюме скользящей ткани, Володин казался скорее состоятельным молодым бездельником, чем ответственным служащим министерства иностранных дел.

Пора была или зажечь в кабинете свет — но он не зажигал, или ехать домой, но он не двигался.

Пятый час означал конец не служебного дня, но — его дневной, меньшей части. Теперь все поедут домой — пообедать, поспать, а с десяти вечера снова засветятся тысячи и тысячи окон сорока пяти общесоюзных и двадцати республиканских министерств. Одному-единственному человеку за дюжиной крепостных стен не спится по ночам, и он приучил всю чиновную Москву бодрствовать с ним до трёх и до четырёх часов ночи. Зная ночные повадки влады-

8 ки, все шесть десятков министров, как школьники, бдят в ожидании вызова. Чтоб не клонило в сон, они вызывают заместителей, заместители дёргают столоначальников, справкодатели на лесенках облазывают картотеки, делопроизводители мчатся по коридорам, стенографистки ломают карандаши.

И даже сегодня, в канун западного Рождества (все посольства уже два дня как стихли, не звонят), в их министерстве всё равно будет ночное сиденье.

А у тех пойдут теперь на две недели каникулы. Доверчивые младенцы. Ослы длинноухие!

Нервные пальцы молодого человека быстро и бессмысленно перелистывали журнал, а внутри — страшок то поднимался и горячил, то опускался, и становилось холодно-вато.

Иннокентий швырнул журнал и, ёжась, прошёлся по комнате.

Позвонить или не позвонить? Сейчас обязательно? Или не поздно будет там?.. в четверг-в пятницу?..

Поздно...

Так мало времени обдумать, и совершенно не с кем посоветоваться!

Неужели есть средства дознаться, кто звонил из автомата? Если говорить только по-русски? Если не задерживаться, быстро уйти? Неужели узнают по телефонному сдавленному голосу? Не может быть такой техники.

Через три-четыре дня он полетит туда сам. Логичнее — подождать. Разумнее — подождать.

Но будет поздно.

О, чёрт — ознобом повело его плечи, непривычные к тяжестиям. Уж лучше б он не узнал. Не знал. Не узнал...

Он сгрёб всё со стола и понёс в несгораемый шкаф. Волнение расходилось сильней и сильней. Иннокентий опустил лоб на рыжее окрашенное железо шкафа и отдохнул с закрытыми глазами.

И вдруг, как будто упуская последние мгновения, не позвонив за машиной в гараж, не закрыв чернильницы, Иннокентий метнулся, запер дверь, отдал ключ в конце коридора дежурному, почти бегом сбежал с лестницы, об-

гоня постоянных здешних в золотом шитье и по-
зументах, едва натянул внизу пальто, насадил шля-
пу и выбежал в сыроватый смеркающийся день.

От быстрых движений полегчало.

Французские полуботинки, по моде без галош, окуна-
лись в грязно тающий снег.

Полузамкнутым двориком министерства пройдя
мимо памятника Воровскому, Иннокентий поднял глаза
и вздрогнул. Новый смысл представился ему в новом зда-
нии Большой Лубянки, выходящем на Фуркасовский. Эта
серо-чёрная девятиэтажная туша была линкор, и восем-
надцать пилястров как восемнадцать орудийных башен
высились по правому его борту. И одинокий утлый челно-
чок Иннокентия так и тянуло туда, под нос тяжёлого бы-
стро го корабля.

Нет, не тянуло челноком — это он сам шёл на линкор —
торпедой!

Но невозможно было выдержать! Он увернулся впра-
во, по Кузнецкому. От тротуара собиралось отъехать такси,
Иннокентий захватил, погнал его вниз, там велел налево,
под первозажжённые фонари Петровки.

Он ещё колебался — откуда звонить, чтоб не торопили,
не стояли над душой, не заглядывали в дверь. Но искать
отдельную тихую будку — заметнее. Не лучше ли в самой
густоте, только чтоб кабина была глухая, в камне? И как
же глупо плутать на такси и брать шофёра в свидетели. Он
ещё рылся в кармане, ища пятнадцать копеек, и надеялся
не найти. Тогда естественно будет отложить.

Перед светофором в Охотном Ряду его пальцы нащупа-
ли и вытянули сразу две пятнадцатикопеечных монеты.
Значит, быть по тому.

Кажется, он успокаивался. Опасно не опасно — друго-
го решения быть не может.

Чего-то всегда постоянно боясь — остаёмся ли мы
людьми?

Совсем не задумывал Иннокентий — а ехал по Мохо-
вой как раз мимо посольства. Значит, судьба. Он прижал-
ся к стеклу, изогнул шею, хотел разглядеть, какие окна све-
тятся. Не успел.

10 Минули Университет — Иннокентий кивнул направо. Он будто делал круг на своей торпедо, разворачиваясь получше.

Взлетели к Арбату, Иннокентий отдал две бумажки и пошёл по площади, стараясь умерять шаг.

Высохло в горле, во рту — тем высыханием, когда никакое питьё не поможет.

Арбат был уже весь в огнях. Перед «Художественным» густо стояли в очереди на «Любовь балерины». Красное «М» над метро чуть затягивало сизоватым туманцем. Чёрная южная женщина продавала маленькие жёлтые цветы.

Сейчас не видел смертник своего линкора, но грудь распирало светлое отчаяние.

Только помнить: ни слова по-английски. Ни тем более по-французски. Ни пёрышка, ни хвостика не оставить ищейкам.

Иннокентий шёл очень прямой и совсем уже не поспешный. На него вскинула глаза встречная девушка.

И ещё одна. Очень милая. Пожелай мне уцелеть.

Как широк мир, и сколько в нём возможностей! — а у тебя ничего не осталось, только вот это ущелье.

Среди деревянных наружных кабин была пустая, но, кажется, с выбитым стеклом. Иннокентий шёл дальше, в метро.

Здесь четыре, углублённые в стену, были все заняты. Но в левой кончал какой-то простоватый тип, немного пьяненький, уже вешал трубку. Он улыбнулся Иннокентию, что-то хотел говорить. Сменив его в кабине, Иннокентий тщательно притянул и так держал одной рукой толстоостеклённую дверь; другой же рукой, подрагивающей, не стягивая замши, опустил монету и набрал номер.

После нескольких долгих гудков трубку сняли.

— Это секретариат? — он старался изменять голос.

— Да.

— Прощу срочно соединить меня с посланцем.

— Посла вызвать нельзя, — очень чисто по-русски ответили ему. — А вы по какому вопросу?

— Тогда — поверенного в делах! Или военного атташе! Прощу не медлить!

На том конце думали. Иннокентий загадал: от- 11
кажут — пусть так и будет, второй раз не пробовать.

— Хорошо, соединяю с атташе.

Переключали.

За зеркальным стеклом, чуть поодаль от ряда кабин, неслись, торопились, обгоняли. Кто-то откатился сюда и нетерпеливо стал в очередь к кабине Иннокентия.

С очень сильным акцентом, голосом сытым, ленивым в трубку сказали:

— Слушают вас. Что ви хотел?

— Господин военный атташе? — резко спросил Иннокентий.

— Йес, авиэйшн, — проронили с того конца.

Что оставалось? Экраня рукою в трубку, сниженным голосом, но решительно Иннокентий внушал:

— Господин авиационный атташе! Прошу вас, запишите и срочно передайте послу...

— Ждите момент, — неторопливо отвечали ему. — Я позову переводчик.

— Я не могу ждать! — кипел Иннокентий. (Уж он не удерживался изменять голос!) — И я не буду разговаривать с советскими людьми! Не бросайте трубку! Речь идёт о судьбе вашей страны! И не только! Слушайте: на этих днях в Нью-Йорке советский агент Георгий Коваль получит в магазине радиодеталей по адресу...

— Я вас плёхо понимал, — спокойно возразил атташе. Он сидел, конечно, на мягком диване, и за ним никто не гнался. Женский оживлённый говор слышался отдалённо в комнате. — Звоните в посольство оф Кэнеда, там хорошо понимают русски.

Под ногами Иннокентия горел пол будки, и трубка чёрная с тяжёлой стальной цепью плавилась в руке. Но единственное иностранное слово могло его погубить!

— Слушайте! Слушайте! — в отчаянии восклицал он. — На днях советский агент Коваль получит важные технологические детали производства атомной бомбы в радиомагазине...

— Как? Какой авеню? — удивился атташе и задумался. — А откуда я знаю, что ви говорить правду?

12 — А вы понимаете, чем я рискую? — хлестал Иннокентий.

Кажется, стучали сзади в стекло.

Атташе молчал, может быть затянулся сигаретой.

— Атомная бомба? — недоверчиво повторил он.—
А кто такой вы? Назовите ваш фамилия.

В трубке глухо щёлкнуло, и наступило ватное молчание, без шорохов и гудков.

Линию разорвали.

2

Есть такие учреждения, где натыкаешься на темновато-багровый фонарик у двери: «Служебный». Или, поновей, важную зеркальную табличку: «Вход посторонним категорически воспрещён». А то и грозный вахтёр сидит за столиком, проверяет пропуска. И за недоступной дверью рисуется, как всё запретное, неведь что.

А там — такой же простой коридор, может почище. Средней струёй простелена дорожка красного казённого рядна. В меру натёрт паркет. В меру часто расставлены плевательницы.

Только безлюдно. Не ходят из двери в дверь.

Двери же — все под чёрной кожей, под вздувшейся от набивки чёрной кожей с белыми заклёпками и зеркальными же оваликами номеров.

Даже те, кто работают в одной из таких комнат, знают о событиях в соседней меньше, чем о рыночных новостях острова Мадагаскара.

В тот же безморозный хмуроватый декабрьский вечер в здании Московской центральной автоматической телефонной станции, в одном из таких запретных коридоров, в одной из таких недоступных комнат, которая у коменданта числилась как 194-я, а в XI отделе Шестого Управления МГБ как «Пост А-1», — дежурило два лейтенанта. Правда, они были не в форме, а в гражданском: так приличнее было им входить и выходить из здания телефонной станции.

Одна стена была занята щитками, сигнальным 13
стендом, тут же чернела пластмасса и блеснул метал-
л телефонно-акустической аппаратуры. На другой сте-
не висела на серой бумаге инструкция во многих пунктах.

По этой инструкции, предусматривавшей и предуп-
реждавшей все возможные случаи нарушений и отклоне-
ний при подслушивании и записывании разговоров аме-
риканского посольства, дежурить должноствовало двоим:
одному безотрывно слушать, не снимая наушников, второ-
му же никуда не удаляться из комнаты, кроме как в убор-
ную, и каждые полчаса подменять товарища.

Невозможно было ошибиться, работая по этой ин-
струкции.

Но по трагическому противоречию между идеальным
совершенством государственных устройств и жалким не-
совершенством человека — инструкция в этот раз была
нарушена. Не потому, что дежурившие были новички, но
потому, что имели они опыт и знали, что никогда ничего
особенного не случается. Да ещё и канун западного Рожде-
ства.

Одного из них, широконосого лейтенанта Тюкина, в по-
недельник на политучёбе непременно должны были спра-
шивать, «кто такие друзья народа и как они воюют против
социал-демократов», почему на втором съезде надо было
размежеваться, и это правильно, на пятом объединиться,
и это снова правильно, а с шестого съезда опять всяк себе,
и это опять-таки правильно. Нипочём бы Тюкин не стал
читать с субботы, мало надеясь запомнить, но в воскресе-
нье после его дежурства намечали они с сестриним мужем
крепко заложить, в понедельник утром с опохмелу эта мура
тем более в голову не ползет, а парторг уже пенял Тюкину
и грозил вызвать на бюро. Да главное-то было не ответить,
а представить конспект. За всю неделю Тюкин не выбрал
времени и сегодня весь день откладывал, а теперь, попросив
товарища дежурить пока без смены, приудобился в угол-
ку при настольной лампе и выписывал из «Краткого курса»
к себе в тетрадь то одно место, то другое.

Верхнего света они ещё не успели зажечь. Горела де-
журная лампа у магнитофонов. Кучерявый лейтенант Ку-

14 лешов с пухленьким подбородком сидел с наушниками и скучал. Ещё с утра заказывали покупки, а после обеда посольство как заснуло, ни одного звонка.

Долго просидев так, Кулешов надумал посмотреть нарывы на левой ноге. Эти нарывы вспыхивали всё новые и новые от неизвестных причин, их мазали зелёнкой, цинковой и стрептоцидовой мазью, но они не заживали, а расширялись под струпьями. Боль уже мешала при ходьбе. В клинике МГБ его уже назначили на консультацию к профессору. А недавно Кулешов получил квартиру новую, и жена ждала ребёнка — и такую складную жизнь эти нарывы отравляли.

Кулешов совсем снял тугие наушники, давившие уши, перешёл удобнее к свету, засучил левую трубку брюк и кальсон и стал осторожно ощупывать и обламывать края струпьев. При надавливании их насачивалась бурая сукровица. Так больно, что отдавалось в голову, это захватило его внимание. В первый раз его прострельнуло от мысли, что здесь не нарывы, а... а... Какое-то пришло на память где-то слышанное страшное слово: гангрена?.. и ещё как-то...

Так он не сразу заметил, что катушки магнитофона бесшумно кружатся, включенные автоматически. Не снимая обнажённой ноги с подставки, Кулешов дотянулся до наушников, приложил к одному уху и услышал:

— А откуда я знаю, что вы говорить правду?

— А вы понимаете, чем я рискую?

— Атомная бомба? А кто такой вы? Назовите ваш фамилия.

АТОМНАЯ БОМБА!!! Повинуясь порыву, такому же бессознательному, как схватиться за опору, падая, Кулешов вырвал штырь коммутатора, этим разъединил телефоны — и тут только сообразил, что, вопреки инструкции, не засёк номера абонента.

Первое движение было — обернуться. Тюкин строил конспект и не видал ничего. Тюкин-то был друг, но ведь Кулешову вменялось контролировать Тюкина, значит и тому.

Дрожащими пальцами переключив на обратную перемотку, а в цепь посольства включив запасной магнитофон,

Кулешов сперва подумал стереть запись и скрыть свою оплошность. Но тут же вспомнил, как начальник не раз говорил, что работа их поста дублируется автоматической записью ещё в одном месте, — и откинул вздорную мысль. Конечно дублируется, и за укрытие такого разговора — расстреляют!

Лента перемоталась. Он включил прослушивание. Преступник очень торопился, волновался. Откуда он мог говорить? Конечно, не из частной квартиры. Да вряд ли и с работы. В посольства всегда стараются из автоматов.

Раскрыв список автоматов, Кулешов торопливо выбрал телефон на входной лестнице метро «Сокольники».

— Генка! Генка! — хрипло позвал он, спуская брючину. — Аврал! Звони в оперативку! Может, ещё захватят!..

3

— Новички!

— Новичков привезли!

— Откуда, товарищи?

— Приятели, откуда?

— А что это у вас на груди, на шапке — пятна какие-то?

— Тут наши номера были. Вот на спине ещё, на колене. Когда из лагеря отправляли — спороли.

— То есть как — номера?!

— Господа, позвольте, в каком веке мы живём? На людях — номера? Лев Григорыч, позвольте узнать, это что — прогрессивно?

— Валентуля, не генерируйте, идите ужинать.

— Да не могу я ужинать, если где-то люди ходят с номерами на лбу!

— Друзья! Дают «Беломор» по девять пачек за вторую половину декабря. Имеете шанс! На цырах!

— «Беломор-Ява» или «Беломор-Дукат»?

— Пополам.

— Вот стервы, «Дукатом» душат. Буду министру жаловаться, клянусь.